

СЛОВО

НА НОВЫЙ (1879) ГОДЪ.

*Какъ польза человеку, аще мръ
весь приобрететъ, душу же
свою оставитъ?* (Матѣ. XVI, и
26-ми.)

Видно, братія, слишкомъ высоко природное достоинство
человѣческой души, когда обладаніе и цѣлымъ міромъ, по
словамъ Господа, не искушаетъ погибели ея! Видно, никогда
не излишне думать, какъ бы, живя въ мръ и увлекаясь его
духомъ, благами и удовольствіями, не погубить намъ души
своей! Да, не всякій путь жизни пригоденъ и безопасенъ для
насъ.

Нынѣ—первый день новаго года, и мы стоимъ теперь
какъ бы на рубежѣ между тѣмъ, что безвозвратно прошло
уже, и тѣмъ, что только еще наступило. Стоимъ и думаемъ:
дорога жизни, по которой шли мы доселѣ, вела ли насъ къ
цѣли нашего бытія, или нѣтъ? По ней ли пойдемъ мы и
впредь, или нужно будетъ избрать намъ другую, новую? Ду-
ма честная, вопросы серьезные! Наблюдайте всячески, пишите

великій Апостолъ языковъ, въ предостереженіе христіанъ своего времени, наблюдайте, чтобы жизненный путьъ вашъ былъ правиленъ, потому что дни настоящаго времени опасны, испытательны, *лукавы*. Кто изъ имѣющихъ *очи видѣти и уши слышати* скажетъ и о нашемъ времени, что оно не опасно, не испытательно, не лукаво?

Въ виду возможности уклоненія отъ истиннаго пути и опасности стать на ложный путь, поставимъ же вопросъ открыто: съ наступленіемъ новаго года, какимъ путемъ поидемъ мы, или лучше, какимъ путемъ вообще должны мы вести жизнь свою?—Тѣмъ ли, который люди создаютъ сами себѣ, упирая его все болѣе и болѣе своемысліемъ и своеволіемъ, произволомъ и распушенностію, страстями и дурными навыками, или тѣмъ, на какой указываетъ намъ Богъ въ природѣ нашей души, въ своемъ откровеніи и въ тѣхъ урокахъ, какіе даютъ намъ опыты жизни?

Вопросъ разрѣшится самъ собою, если мы обратимъ вниманіе на высокое достоинство человѣческой души, на наше христіанское званіе и современный опытъ жизни.

Однажды фарисеи и саддукеи пришли къ Іисусу Христу и спросили Его: Учитель, слѣдуетъ ли давать дань кесарю? Постигая политическій смыслъ вопроса, сильно волновавшаго тогда евреевъ, и вмѣстѣ злое намѣреніе вопрошавшихъ уловить Его въ словъ, Христосъ попросилъ ихъ показать Ему платѣжную монету. Они дали Ему пѣниязъ. Взявъ его въ руки, Христосъ спросилъ ихъ: чей это на немъ образъ и чья надпись? Они отвѣтили: кесаревъ. Тогда Онъ сказалъ имъ: что же смущаетъ васъ? И затѣмъ вы искушаете Меня? Если на монетѣ портретъ кесаря и надпись на ней тоже кесарева: очевидно, она принадлежитъ ему, какъ его собственность, и вопросъ объ отношеніяхъ нашихъ къ кесарю разрѣшается такимъ образомъ самъ собою. *Воздадите кесарю кесареви.*

По примѣру небеснаго Учителя, спросимъ и мы фарисеевъ и саддукеевъ нашего времени, сильно тоже волнующій народъ своеобразнымъ ученіемъ о земномъ пути человѣка, или образъ его жизни на землѣ: чей образъ и чья надпись на человѣческой душѣ?

Образъ звѣря, отвѣчаютъ одни изъ нихъ; образъ утонченной матеріи, говорятъ другіе.

Оказывается такимъ образомъ, что современные совопрошники, не желающіе *воздавать Божіе Богови*, слѣпые, или коварные своихъ древнихъ братьевъ, которые не хотѣли кесарю *воздавать кесарево*. Тѣ покрайней мѣрѣ сказали, что видѣли. Эти же говорятъ совсемъ не то, что видятъ.

Нѣтъ, человѣческая душа не образъ звѣря и не образъ матеріи. На ней печать, на ней надпись не изъ видимаго міра.

Прочитайте, что написано о ней въ этой божественной книгѣ, по которой столько тысячелѣтій учились уже, по которой и доселѣ учатся люди познавать Бога и самихъ себя.

На первой же страницѣ этой божественной книги читаемъ мы: *и рече Богъ: сотворимъ чловѣка по образу нашему и подобію. И сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію, сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 26—27).

Такимъ образомъ, по слову Божію, человѣческая душа не образъ звѣря или матеріи, а образъ Божій.

Къ тому же заключенію ведутъ насъ и наше внутреннее чувство, самосознаніе, самонаблюденіе и совѣсть. Скажите чловѣку, не предзанятому отрицаніемъ: ты звѣрь,—и онъ признаетъ себя оскорбленнымъ. Скажите ему, что онъ не больше, какъ матерія, онъ отвернется отъ васъ съ улыбкою, или посмотритъ на васъ съ ироніею.—Почему? Потому, что это претитъ естественному чувству его достоинства, потому что это противорѣчитъ его самосознанію и самонаблюденію. Стоя такъ высоко въ дѣйствицѣ Божіихъ твореній, чловѣкъ не только сознаетъ свое видимое и полнѣйшее верховенство надъ животными и матеріею, которыми всецѣло обладаетъ онъ, но чувствуетъ и совершенную противоположность свою съ ними. Въ своихъ благородныхъ, зиджительныхъ силахъ, каковы: умъ, сердце и воля, въ своихъ нравственныхъ стремленіяхъ къ истинѣ и добру, въ своей способности сознавать себя и свои дѣйствія, дѣйствовать по собственному почину и побужденіямъ, вести борьбу съ искушеніями во имя долга и такимъ образомъ самоопредѣляться въ нравственномъ значеніи этого слова, онъ неотразимо сознаетъ и чувствуетъ, что природа

души его ведет свое начало не изъ этого міра, гдѣ господствуетъ одинъ только законъ, законъ косности и необходимости, законъ механическихъ причинъ или слѣдныхъ инстинктовъ, а изъ міра другихъ порядковъ, изъ міра собственно духовнаго, въ которомъ господствуютъ мысль и свобода, нравственный законъ и святость. Ничѣмъ инымъ, наконецъ, объясняетъ онъ и чувствуемое и наблюдаемое нами въ себѣ стремление къ Безконечному, то именно, стремление, подъ вліяніемъ котораго и въ области знанія, и въ области чувства и желаній человѣкъ никогда не удовлетворяется тѣмъ, что приобрѣлъ уже, а стремится все къ большому, все впередъ и въпередъ и все далѣе и такъ безъ конца; ничѣмъ инымъ говоримъ, не объясняетъ онъ этого явленія въ себѣ, какъ однимъ только духовнымъ, прероднымъ родствомъ своей души съ Безконечнымъ Существомъ или Богомъ. Въ минуты особеннаго просвѣтлѣнія, онъ какъ бы прозираетъ внутренними очами, что Творецъ не только отразилъ въ душѣ его образъ Своей духовности, какъ солнце отражается въ своемъ лучѣ, но и на ней свободно нравственныхъ силъ положить, такъ сказать, печать Своей безконечности. Спросите, человѣческую совѣсть, почему идеаломъ нашего совершенства поставляется Богъ и почему она мирится съ такимъ величайшимъ требованіемъ. Совѣсть дастъ одинъ отвѣтъ: потому именно, что человѣкъ созданъ по образу всесовершеннаго Существа или Бога.

Если же такъ, если душа наша есть образъ Божій, то отсюда заключеніе одно: *воздавать намъ Божіа Благота*, или отдавать Богу, на служеніе всю душу свою, стремиться къ Нему всѣми силами ея, какъ своему первообразу. Жизнь богоподобная — вотъ истинная жизнь, челоука на землѣ! Все, изобрѣтаемое нашею прихотью и своеволіемъ, все питаемое въ насъ эгоизмомъ и страстями, равно какъ и самыя страсти, мрачающія въ насъ образъ, оужій, всячески должны быть устраняемы съ пути нашей жизни.

Будите святы, якоже Азъ есмь святъ — вотъ заветъ Первообраза къ своему образу! *Обребайтесь мирскимъ похотей, яже вступаютъ на душу* — вотъ наставленіе челоука, постигнаго высокое достоинство челоуческой души, какъ образа Божія!

Но неспросятъ, какъ намъ узнавать въ себѣ истинныя черты образа Божія, когда чрезъ грѣхопаденіе этотъ образъ омраченъ уже въ насъ, когда человѣкъ, самъ по себѣ, не въ силахъ ни познать истиннаго Бога, ни благоугождать Ему подобно волѣ Его? Въ этомъ поможетъ намъ христіанство. Чѣмъ? Своимъ ближайшимъ средствомъ съ естественною религіею, своимъ божественнымъ свѣтомъ и своими божественными силами. Да, братія, христіанство—религія не новая и не случайно измышленная. Будучи даромъ безконечной любви Божіей къ падшему человѣку, она въ то же время есть необходимое требованіе духовной природы нашей и состоитъ съ послѣднею въ ближайшей внутренней связи. Вотъ почему почти еще у самой колыбели христіанства нѣкто сказалъ, что душа наша по природѣ своей христіанка. Мало того, что христіанство не разрушаетъ естественнаго союза человѣка съ Богомъ, какъ образъ съ Первообразомъ, но и самая задача его, первая и главная, состоитъ именно въ томъ, чтобы возстановить, возвысить и укрѣпить между Богомъ и человѣкомъ этотъ самый союзъ обновленіемъ въ человѣкѣ перводаннаго же образа Божія. Для этого собственно и освѣщенъ былъ путь человеческой жизни принесеннымъ съ неба ученіемъ о Богѣ и человѣкѣ и указана высокая цѣна души нашей, какъ образа Божія. Для этого же Господь нашъ Іисусъ Христосъ и жилъ на землѣ и умеръ на крестѣ. Все это, какъ день, мы видимъ въ Евангеліи. Іисусъ Христосъ прямо говорилъ о Себѣ, что Онъ родился и пришелъ въ міръ собственно для свидѣтельства о истинѣ (Ев. Іоанн. XVIII, 37); и что во имя этой истины Онъ *явился* на землѣ людямъ *имя* небеснаго Отца Своего, что предъ людьми *прославилъ* Его, открывъ Его личное бытіе и божественныя свойства, и что *далъ* имъ *слово* Его, какъ вѣчное руководство (Ев. Іоанн. XIV, 5 и 6, 14). Далѣе ученіе Христа о возрожденіи равно какъ ученіе Его о царствіи Божіи *оуть* насъ это—прямо ученіе о возстановленіи въ насъ образа Божія, или степеняхъ роста нашего духовнаго человѣка. Заповѣди Христа—это правила, которыми опредѣляется, од-

нажды навсегда, внѣшній и внутренній образъ жизни Человѣка, *созданнаго по Богу въ правдѣ и предобіи истинны* и вмѣстѣ духовная пища, отъ которой питается и укрѣпляется присущее намъ нравственное чувство. Жизнь Иисуса Христа, это — святѣйшій примѣръ для нашей жизни, для нашей любви къ Богу и ближнимъ, и вмѣстѣ зеркало, въ которомъ во всей полнотѣ отразились истинныя черты образа Божія въ Человѣкѣ. *Се человекъ!* вы извѣстный моментъ осызавъ оу Христѣ Пилать. *Се человекъ!* скажемъ и мы о Немъ съ своей точки зрѣнія. Смотрите на этого единаго истаго человекъка съ Евангеліемъ въ рукахъ, смотрите иди провѣряйте шо. Немуи степени просвѣтлѣнія или потемнѣнія въ новасть образа Божія. Наконецъ, искупительная смерть Иисуса Христа, и какъ смерть Божьчеловѣка, по существу въ своему представляеть ина столько полную и удовлетворительную жертву за грѣхи наши, что у креста Его великое осердце, и какъ бы разбито ии бы по онои ударами грѣха, и въ всякая совѣсть, о какъ бы глубоко иди была возмущена она въ жестію нашихъ паденій, и могутъ дерзновенно искать всебѣ не столько утѣшенія или примиренія съ небеснымъ Отцомъ, но и иищленія оубо безплоднаго пунія и поворота къ новой жизни и надеждѣ оубо аа ама ама оубо аубо ама оубо. Какъ Сывъ небснаго Отца, какъ чрезвычайцый Школаицикъ Его ии какъ Учитель всего мѣра, а не школьный какой нибудь мудрецъ, и Христосъ ие доказывалъ логически истинности своего ученія о Богѣ ии человекѣ, иа между стѣмъ ии смѣльные миллионы ииринали ои ииринали ои ииринали ои. Почему? Конечно, потому, что Онъ подтвердилъ Свое ученіе Своими божественными дѣлами, и Своею святѣйшею тѣжизію, и смѣртію и воскресеніемъ; потому что онъ какъ Богъ человекъ, ии о сокровенныхъ вещахъ говорилъ, ии какъ о самыхъ обыкновенныхъ; о небѣ, ии на примѣръ, какъ о домѣ Отца Своего, о Богѣ, ии какъ сывъ говорить о своемъ оубѣ, о вѣчныхъ и блаженныхъ обителяхъ небснаго Отца, ии о готованныхъ для любящихъ Его, ии какъ самовидецъ, который видѣлъ въ дниъ Авраама, Лазаря ии другихъ, ии во адѣ — *богатаго, и веселишагося на землѣ, по всякъ день свѣтло*, но ии менѣ, весели оубе ие оубѣ, ии потому, что истина, принесенная Имъ съ неба, ии непосредственно ии чувствовалась въ таковою ии сердцемъ отъ человекъка ии созердалась умомъ его;

потому, что съ нею, какъ съ небеснымъ свѣтомъ, освѣтившимъ человѣческую природу, мирилась наша совѣсть; потому что ея улаждалось уцѣлѣвшее въ насъ нравственное чувство (Римл. VII, 22); потому, что она вела къ возвышенію нашей жизни и природы и отвѣчала всеѣмъ благороднымъ требованіямъ и чаяніямъ нашего духа; потому, наконецъ, что она знакомила насъ съ будущею вѣчною жизнью, этимъ рычагомъ нашего духовнаго пробужденія и пресвѣянія, самымъ нагляднымъ и осязательнымъ образомъ, указывая какъ бы перстомъ на зарю и зачатки этой жизни въ явленіи царствія Божія внутри насъ, еще здѣсь, на землѣ, а затѣмъ, далѣе, мирила насъ и съ трудами временной жизни для вѣчной (Римл. VIII, 18).

Такимъ понятіемъ о христіанствѣ, какъ о религіи, не только средной къ нашей душѣ и ея потребностямъ, но и прямо направленной къ возстановленію и разъясненію въ насъ образа Божія и къ истинному боговѣднію и богопочтенію, очевидно усугубляется уже наша обязанность вести жизнь свою путемъ богоподобія, именно тѣмъ путемъ, на какой указываетъ природа нашей души, какъ образа Божія, и какой требуетъ отъ насъ наше христіанское званіе, какъ званіе послѣдователей Христовыхъ.

Или мы доселѣ этимъ путемъ, или отклонились отъ него — это дѣло нашей совѣсти. Но не стараться идти этимъ путемъ, ставить въ вѣкъ что Христовы заповѣди, Его ученіе, Его жизнь, Его искушительную смерть — это крайне недуманно и опасно. Это значило бы не только идти прямо противъ богоподобной природы своей, но и противъ Божіихъ попеченій о сохраненіи въ насъ этой природы. Скажемъ, а болѣе это значило бы не только посягать на свое духовное самоубійство, но и съ презрѣніемъ отталкивать отъ себя руку, спасающую насъ отъ этого самоубійства, и такимъ образомъ *разорвать совѣсть Божію* о спасеніи насъ къ правдѣ и жизни.

Страшны, братія, эти слова, но несравненно страшнѣе описываемыя ими дѣла. Посягать на самоубійство въ души своей! Съ презрѣніемъ оттолкнуть спасающую руку! *Разорвать совѣсть Божію* отъ насъ!.. О, это ужасно, ужасно, какъ дѣйствіе противоестественное и какъ возмущеніе твари про-

тивъ Творца! Не менѣе, вѣроятно, ужасенъ будетъ и судъ Божій надъ такими. *Богъ перуаема не бываема!*.. Увы, не ихъ ли по преимуществу постигнетъ извѣстное намъ по Евангелію грозное отверженіе отъ лица Божія? *Идите отъ Меня: Я не знаю васъ!* Вы исказили въ себѣ черты моего образа; вы попрали Мою любовь къ вамъ; васъ не тронула и кровь Моя, пролитая за васъ! *Идите* же отъ Меня, *проклятые, въ огонь вѣчный*, къ диаволу и ангеламъ его (Матѣ. XXV, 41).

Кто не знаетъ, каковыми страшными послѣдствіями сказаны и сказывается въ современныхъ народахъ уклоненіе отъ христіанскаго ученія къ самодѣльному пути жизни! (Лезеніе и жажда безыконца, жажда однихъ чувственныхъ наслажденій обезсмыслили и челоуѣческую жизнь, совсѣмъ уронили ея задачу, потрясли и силятся даже вовсе разрушить всѣ нравственные порядки жизни, частной и общественной. Не будемъ, впрочемъ, въ подробности описывать печальныхъ явленій нашего времени: кому они неизвѣстны? Картина золь, созданныхъ и создаваемыхъ школою самодѣльной жизни и безвѣрія, во всемъ ея имрауѣи ужасѣ, стоитъ цѣликомъ передъ глазами всего міра. Ясно, какъ день, что современное зло слишкомъ велико, когда отъ ударовъ его не обезпечивается и драгоценная жизнь Помазанниковъ Божіихъ. Въ сатанинскомъ злобленіи своемъ поидеть ли это зло еще далѣе, и какіе слѣды замышляетъ оставить оно въ мірѣ, замы этого не знаемъ; но для всѣхъ, *зми тѣмъ оци видѣти*, ясно тутъ одно: Когда поругано все святое, когда отринуто, какъ ненужное, все духовно-созидающее, все нравственно движущее и заправляющее, какъ то: Богъ, Христосъ, Его церковь, нравственный законъ, семья и загробная жизнь; когда челоуѣкъ самодѣльнымъ муодраваніемъ выдвинутъ изъ своего чина на которомъ въ ряду твореній поставленъ онъ Творцемъ и возстановленъ Искупителемъ; когда такимъ образомъ альфа и омега его духовно-нравственной жизни вычеркнуты уже и изъ его думъ и сознания: очевидно, ни во нравственнымъ, ни во политическимъ порядкамъ

мѣста уже нѣтъ. Напротивъ, тутъ открываются мѣсто и просторъ другому порядку вещей: свободному росту зла, преобладанію чувственности, господству разврата во всѣхъ разлагающихся его видахъ, всякаго рода беспорядкамъ и въ концѣ концовъ, анархіи и духовному одичанію человѣка. Все это говоримъ мы затѣмъ, чтобы показать, какъ велико значеніе христіанства въ благоустройствѣ человѣческой жизни и человѣческихъ порядковъ, и какъ, напротивъ, опасно всякое, даже малѣйшее, уклоненіе отъ него для судьбы человѣческихъ обществъ.

Теперь, когда вполне признана уже вся гибельность современнаго зла, теперь стараются общими силами остановить дальнѣйшее теченіе его и искоренить его. И вотъ, съ этою цѣлю, какъ на противодѣйствіе и врачевство, указываютъ на науку и строгость политическихъ карательныхъ мѣръ. Но достаточно ли этого? Мы думаемъ, безъ христіанства никакъ не обойтись здѣсь. Наука и возмездіе, положимъ, мѣры не лишнія, даже необходимы. Мракъ, обыкновенно, разсѣвается отъ свѣта, а для посягателей на жизнь Помазанниковъ Божіихъ и развратителей народнаго юношества не излишня никакая карательная мѣра. Но этого одного, кажется, все же недостаточно, да это, кажется въ дѣлѣ и не главное. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что отрицаніе и безвѣріе, создавшіе агитаторовъ, ушли въ среду человѣческихъ обществъ не съ облаковъ: они зародились въ вѣдрахъ самой же современной науки и распространяются путемъ той же науки. Такимъ образомъ оказывается, что наука и сама нуждается въ посторонней гарантіи, въ постороннемъ высшемъ надзорѣ. Карательныя мѣры, безспорно, могутъ устрашать и до нѣкоторой степени сдерживать зло въ его обнаруженіи, но окрѣпшихъ убѣжденій измѣнить онѣ не въ силахъ. Зло уйдетъ только во внутрь, притаится на время и, замаскировавшись лицемѣріемъ, будетъ дѣйствовать только скрытнѣе, осторожнѣе, но не искоренится. Притомъ не надо забывать, что борьба съ современнымъ зломъ есть борьба не съ однимъ отрицаніемъ и безвѣріемъ; нѣтъ, это вмѣстѣ борьба и съ порожденнымъ ими современнымъ развратомъ, глубоко и широко пустившимъ свои корни въ современную жизнь. И такъ что же нужно, кромѣ

возмездія и науки, для подавленія и искорененія современнаго зла!

Нужно, скажемъ смѣло и открыто, и притомъ, прежде всего и больше всего, христіанство, т. е. тотъ самый божественный свѣтъ и та самая божественная сила, предъ которыми разъ уже дрогнулъ въ своихъ основаніяхъ цѣлый языческій міръ, обрушившись со всеми своими заблужденіями, предъ которыми не разъ уже таяло челевѣческое сердце, самое холодное и загрузѣлое, и уступала воля, самая развращенная.

Какъ божественная истина, содержащая въ себѣ животворныя начала, какъ божественная сила, возраждающая и совершенствующая челевѣка въ его внутреннемъ существѣ, христіанство, вѣдь, и теперь тоже, чѣмъ оно было при своемъ появленіи въ мірѣ, при первой проповѣди своей. Въ немъ и теперь тотъ же свѣтъ, та же жизнь, тотъ же духъ. Своимъ небеснымъ свѣтомъ оно и наукѣ поможетъ въ ея изслѣдованіяхъ, и пріудержитъ ее отъ ложныхъ выводовъ, и кичливость испытующей мысли усмирить тайною міротворенія и судебъ Божиихъ, не поддающеюся никакимъ изслѣдованіямъ, и возмущенное сердце успокоить покорностію Промыслу Божию, ведущему счетъ и волосамъ нашимъ, и всякое земное горе челевѣка уладить небесными обѣтованіями будущей жизни и непреложнымъ возмездіемъ за гробомъ каждому по дѣламъ его, и совѣсть очистить, укрѣпить и возвысить благодатнымъ дѣяніемъ Евангельской любви къ Богу и ближнимъ или чистотою Евангельскаго нравственнаго закона, такъ что, естественнымъ образомъ, *явится за симъ Божій челевѣкъ*, во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, *на благо дѣло уготованный*, а не крамольникъ, не агитаторъ.

Дайте намъ побольше свѣта, дайте намъ побольше науки — и всему злу будетъ конецъ! нерѣдко восклицаютъ въ обществѣ люди мысли и науки. Нашъ кличъ въ данномъ случаѣ будетъ нѣсколько иной. Мы сказали бы: дайте намъ побольше свѣта, но свѣта Христова, дайте намъ побольше науки, но науки, не враждебной христіанству. Мы къ этому прибавили бы: дайте намъ побольше и живыхъ примѣровъ христіанской жизни, побольше, на примѣръ, пастырей, которые бы не скудно

предлагали своимъ паствамъ слова христіанскаго благочестія, а въ своей жизни подавали бы имъ вмѣстѣ и живой образъ благочестія,—родителей, которые бы прежде всего и больше всего заботились о воспитаніи своихъ дѣтей въ страхъ Божию, атомъ первомъ охранителѣ чистоты сердца и совѣсти, а не твердили бы имъ при всякомъ случаѣ объ однѣхъ только будущихъ карьерахъ ихъ,—побольше народныхъ учителей, у которыхъ наука и Евангеліе шли бы рука объ руку, а недоумѣніе или сомнѣніе, до всесторонняго разсмотрѣнія дѣла, не предлагалось бы питомцамъ, какъ отрицаніе,—народныхъ писателей, которые бы искренно уважали достоинство печатнаго слова, и пера своего не отравляли ядомъ безвѣрія и глумленія надъ святынею; побольше, наконецъ, правителей, которые бы проникнуты были истиннымъ духомъ Христовымъ, а не относились бы къ всему индифферентно и не смотрѣли бы на нерѣдко окружающее ихъ безбожіе благовольтельно и даже съ нѣкотораго рода какъ бы уваженіемъ.

Огражденная отвсюду такимъ религіозно-нравственнымъ ондатомъ и живыми образцами христіанской жизни, жизнь юности, какъ рѣка въ высокихъ и крѣпкихъ берегахъ, естественно потечетъ въ указываемомъ ему руслѣ и порядкѣ. Пока же этого нѣтъ, пока мы сами, по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ, относимся къ нашимъ христіанскимъ обязанностямъ не искренно, не цѣлостно и въ числѣ христіанъ состоимъ больше по имени, а не по жизни и чувству сердца, думать о уврачеваніи современныхъ язвъ—напрасная надежда, тщетная мечта. Въ той мѣрѣ, какъ Евангеліе будетъ созидать, въ той же самой мѣрѣ жизнь наша будетъ разрушать—и вылетѣтъ напрасный трудъ.

Одумаемся же, братья, и отрезвимся, возлюбимъ всѣмъ сердцемъ законъ Христовъ и пойдемъ неуклонно путемъ Его. Этого требуютъ отъ насъ наше высокое природное достоинство, наше христіанское званіе и спасеніе дорогихъ нашихъ юношей и юницъ, которые собственно по нашему нерадѣнію къ жизни, въ такомъ множествѣ уже погибли и, увѣ, продолжаютъ погибать и теперь.

О Господи, спаси насъ! о Господи, вразуми и укрѣпи насъ, и Твоею силою сотвори, да новое лѣто, въ которое ны-

нѣ вступили мы, будетъ лѣтомъ иной и совершенно новой нашей жизни, жизни лучшей, Тебѣ благоудной, церкви и отечеству полезной, намъ и нашему юношеству спасительной!

Протоіерей Вас. Розаліевъ.

II.

ОТЧЕТЪ

о состояніи и дѣятельности Андреевскаго Братства въ гор. Ставрополѣ на Кавказѣ за 187^{7/8} братскій (пятый) годъ.

(Окончаніе).

IV. Содѣйствіе просвѣщенію русскихъ расколниковъ и сектантовъ.

Молодое Андреевское Братство доселѣ не имѣло возможности и достаточныхъ средствъ выставить своихъ специальныхъ миссіонеровъ какъ въ среду иновѣрцевъ, такъ и въ среду русскихъ расколниковъ и сектантовъ, а между тѣмъ, для выполнения главнѣйшей задачи Братства, дѣятельность специальныхъ миссіонеровъ составляла бы самое лучшее и самое вѣрнѣйшее къ тому средство. Совѣтъ Братскій постоянно имѣетъ это въ виду и постоянно старается привлечь въ составъ братства такихъ лицъ, которые бы имѣли способность и самоотверженную христіанскую ревность и любовь и вмѣстѣ полную возможность посвятить все свои силы на просвѣщеніе христіанскою истиною заблуждающихся, не отвлекаясь отъ этого святаго дѣла житейскими попеченіями. Въ настоящее время Совѣтъ Братскій имѣетъ упованіе и радость вскорѣ видѣть среди кавказскихъ расколниковъ такого дѣятеля—миссіонера въ лицѣ извѣстнаго монаха Арсенія, который уже девять лѣтъ подвизается на этомъ поприщѣ въ Самарской губерніи. Онъ